

Функция архитектуры – быть местом встречи, обозначающей контакт в сфере судеб. Города, площади, перекрестки, дома – субъекты социальной и экзистенциальной коммуникации. Новости и события, торговля сегодня уходят в виртуальное пространство планетарной или региональной жизни, и города с их площадями, перекрестками и домами начали становиться узлами и швами этой жизни. Но архитектура как «вещь из камня» не утратила значимости в формировании культурных смыслов и людских судеб.

Ключевые слова: архитектура; город; перекресток; дом; встреча; судьба; со-бытие. /

The function of architecture is to be a meeting place, signifying a contact in the realm of destinies. Cities, squares, intersections and houses are subjects of social and existential communication. Today, news, events and trade go into the virtual space of planetary or regional life, so cities with their squares, intersections and houses are becoming knots and seams of this fabric. But architecture as a “thing made of stone” has not lost its significance in the formation of cultural meanings and human destinies.

Keywords: architecture; city; intersection; house; meeting; fate; co-existence.

Место встречи лиц и душ / A meeting place for faces and souls

текст

Александр Рапппорт
(Латвия)

text

Alexander Rappaport
(Latvia)

Архитектура как лицезрение

На мой взгляд, становится понятной новая функция архитектуры – быть местом встречи лиц и душ.

7 декабря 2022

Коммуникация и Встреча

Смысл коммуникации на уровне индивидуации воплощается в схеме Встречи. Но это не встреча в пространстве. Это встреча во времени, и не просто во времени, а во времени судьбы. Возможность встречи во времени Судьбы иногда трактуется как событие свидания. Но свидание – лишь случайная тень встречи. Ибо на свидании встречаются не люди, а некоторые события их будней. Встреча обозначает контакт в сфере судеб и простирается за пределы событий в их «здесь и теперь» – встречи всегда «в там» и в Событии как Со – Бытии.

Но встреча порой выглядит как случай, то есть буквально случайное событие, хотя именно случай есть не просто встреча, а совокупление судеб, разумеется, тайное для участников и тем притягательное. Роковая встреча есть именно событие во времени судеб, а пространственное ее расположение есть случайность в чистом виде.

25 ноября 2019

Перекресток и судьба

В цивилизациях древнего мира и средних веков понятие перекресток сложилось как символ судьбы и путей жизни, то есть в нем на первый план выходили индивидуальные судьбы и время – как время истории жизни и истории мира. Перекрестки обрели в те времена особую сакрально-символическую функцию и символику – гермы, столбы с указаниями путей и символами непредсказуемости судьбы через образ бога Гермеса.

В прошлом жители поселков и городов путешествовали редко, и далеко не все дороги были местом странствий паломников и купцов. Паломники отправлялись в путь в поисках смысла жизни, купцы везли товары в города и поселения.

С развитием урбанизации и расширением городских территорий загородные пути и дороги сменялись улицами, которые точно так же, пересекаясь, образовывали перекрестки или даже небольшие площади, где сходились

уже не две или четыре, а больше улиц. Но перекрестки внутри городов располагались недалеко друг от друга, так что с одного можно было увидеть следующий или даже несколько расположенных рядом. Окружены эти перекрестки в городах были уже не полями и лесами, а стенами домов, заборами и калитками, дверями, то есть плотно застроенными фасадами улиц.

Эти новые улицы и перекрестки все реже становились символами судьбы и времени. Они все чаще вплетались в городскую структуру распределения функций и власти, плотную сеть символов и функций городского быта с его иерархией собственников и нормативным режимом, обеспечивающим порядок расселения и соблюдение правил.

Дома вдоль улиц часто выражали принадлежность их владельцев к сословиям и разделение городской территории на зоны и функции – как мирные, так и оборонительные. Вся внутригородская сеть улиц и зданий замыкалась городскими стенами и рвами, обеспечивая самому городу защиту и неприкосновенность.

Позднее, после разрушения городских стен города стали растекаться по ландшафту, и городские улицы уже могли бы напоминать некогда бывшие дороги. Но этого не произошло: новые длинные городские магистрали переходили в дороги или замыкались внутри городской планировки, но никакой фатальной символики уже не несли. Их символические значения полностью исчерпывались значением кварталов, их функциями – то есть смыслом частных жилых и общественных зданий и сооружений. Совокупность или система таких зданий в большей мере выражала систему социальных, производственных, властных или экономических статусов владельцев, бытовых, производственных, торговых и культурных отношений внутри города, а фасады домов становились своего рода физиономиями семей.

Тем не менее следующий этап расползания городов по ландшафту начал превращать в обособленные функциональные зоны и символические места целые районы, чем-то похожие на прежние ландшафтные уголья лесов, лугов или водоемов. И жизнь человека в таких больших мегаполисах распределялась по этим крупным районам уже как факт своего рода судьбы семьи или человека. Время больших дорог отчасти возвращалось в эти огромные города, но смысл этого времени становился уже

иным, скорее, не индивидуальным, а сословным или социальным. Дороги же, превращаясь в улицы и вновь становясь дорогами, теряли свою исключительную роль путей и превращались в границы ареалов, зон, районов.

Когда в середине XX века появилось понятие городской среды и средового подхода, мы уже имели дело со своего рода утратой той социальной иерархии, которая поддерживалась еще в городах XVII–XVIII и XIX веков и становилась своего рода текстовой массой разных символов и признаков. В них жизнь горожанина протекала как в декорациях нового городского спектакля, в котором естественные свойства мещанской драмы с ее хаотичностью и случайностью уступали место социальной сегрегации и ее плановой организации в проектировании и управлении. Горожане отчасти сохраняли свои роли мещан или дворян, но все в большей степени превращались в статистов, сгруппированных в организованные массы рабочих, полицейских, учащихся, покупателей, продавцов. Слои населения разделялись по возрасту, этническому происхождению, уровню обеспеченности, образования и даже способам одеваться, говорить и двигаться, отличались по правилам бытовой традиции, воспроизводившейся нередко в отрыве от условий своего возникновения.

Драматургия этой мещанской сцены в пространстве города менялась по большим праздникам – церковным или торговым дням, ярмаркам или особым событиям. И здания невольно воспроизводили эту драматургию, отражая смыслы и индивидуальные особенности владельцев.

Совершенно новый оборот приняла история, когда планировка и застройка городов стали жестко определяться принципами и нормами распределения функций на территориях и прочими нормами совместной жизни, прежде всего транспорта, который постепенно становился все более общественным и все более мощным по объемам и скоростям перевозок. Перекрестки, создающие пробки и заторы, потеряли символический смысл и стали превращаться в развязки.

Средовой, то есть стилистически мещанский смысл сохраняли только те районы города, которые возникали еще более или менее стихийно, и к нашим дням стали своего рода оазисами естественности в городе, где уже

пространство и время горожан регулируется бюрократическими методами. Это новое пространство и время уже никак не связано с индивидуальным горизонтом судеб, ибо превращает людей из артистов в статистов.

Такова самая простенькая схема перекрестка как темы фатальной судьбы человека разных эпох. Новейшие перекрестки исчезли из города и переехали в сети телевидения и интернета, где мы вновь получили возможность выбирать и менять (или сохранять) маршруты и привычки, но уже в мире социальных ролей, в которых архитектура города и ландшафта уступила место структуре культурных сред и исторических событий.

Новости и события, равно и торговая толчея, ушли из городов в виртуальное пространство планетарной или региональной жизни, в которых судьба, счастье и несчастье, удачи и невзгоды начали ткать совсем иную ткань, и перекрестки стали становиться узлами и швами этой ткани.

28 февраля 2018

Литература

1. Капустин, П. Формы мыслимости города XX века: пространство, субстанция или среда? // Проект Байкал. – 2021. – № 69. – С. 54–57. – DOI : <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>
2. Раппапорт, А. Г., Высоковский, А. А. Среда и архитектура // Городская среда: проблемы существования. – Москва : ВНИИТИАГ, 1990. – С. 157–178.
3. Раппапорт, А. Г., Сомов, Г. Ю. Форма в архитектуре: проблемы теории и методологии. – Москва : Стройиздат, 1990. – 344 с.
4. Багина, Е. Огонь и дом – со-частье бытия // Проект Байкал. – 2022. – № 73. – С. 128–135. – DOI : <https://doi.org/10.51461/pb.73.23>

References

- Bagina, E. (2022). Fire and home: A part of a happy life. *Project Baikal*, 19(73), 128–135. <https://doi.org/10.51461/pb.73.23>
- Kapustin, P. (2021). Forms of conceiving the city of the XX century: Space, substance or environment? *Project Baikal*, 18(69), 54–57. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>
- Rappaport, A. G., & Somov, G. Yu. (1990). *Forma v arkhitekture: Problemy teorii i metodologii [Form in architecture: Problems of theory and methodology]*. Moscow: Stroyizdat.
- Rappaport, A. G., & Vysokovsky, A. A. (1990). Sreda i arkhitektura [Environment and Architecture]. In *Urban Environment: Existence Problems* (pp. 157–178). Moscow: VNIITIAG.